

— В июне приехала моя мама, полюбовалась на нашу новую квартиру, погостила немного и уехала, забрав с собой Иринку, сначала в Москву, где к ним присоединился Андрюшка, а потом в Севастополь. Люба в это время жила в Москве, снимала комнату и работала там, Жорка ездил к ней из Протвино, где он остался работать после окончания аспирантуры.

— В Москве, к слову сказать, Люба сначала остановилась у Аллочки Викуловой, дочери Азизовых, наших соседей по Песочной, вышедшей замуж за известного хоккеиста ЦСКА и сборной Викулова. Люба надеялась обменять их с Жоркой ленинградскую кооперативную квартиру на московскую и уже несколько месяцев безуспешно занималась этим. В Протвино она жить ни в какую не хотела несмотря на все Жоркины уговоры, да там и неясно было с квартирой. Режим работы у Жорки как теоретика был свободный, и в принципе он мог бы жить и в Москве, наезжая в Протвино на семинары. Этот вариант Любу устраивал, но обменяться ей так и не удалось.

— Кончилась эпопея тем, что Жорке дали в Протвино двухкомнатную квартиру, и Любка переехала-таки к нему, а ленинградскую квартиру они продали и купили - первыми из наших знакомых! - цветной телевизор "Рубин". Диссертацию, правда, Жорка в срок не успел написать, но у них это было в порядке вещей, требовалось ещё года полтора, чтобы сделать работу на уровне фирмы.

— Всё это внешнее благополучие было достигнуто на фоне сложных внутрисемейных отношений, переживаний, страданий. Прошлым летом сначала в Севастополе, а потом в Ладушкине мы с Сашулей оказались свидетелями глубокого кризиса в отношениях Любки и Жорки, в котором виноваты, как водится, были оба. Я пытался образумить Любку в разговорах, когда встречались, благо она была вполне откровенна со мной, и в письмах. В этот период времени (осень 1974 - весна 1975) Любка довольно часто писала нам. Вот её письмо.

Из Ленинграда. 30 октября 1974 г.

Здравствуйтесь, родные мои Саша и Сашенька!

— Напрасно мы не пишем друг другу письма. На старости лет нам самим, а, может быть, нашим потомкам было бы интересно окунуться с их помощью в бурлящую жизнь прошлых лет. Даже их модный телеграфный стиль может поведать о большем, чем скупые телеграммы.

— Честно сознаюсь, что меня побудило взять в руки перо не желание оставить потомкам след, а одна небезинтересная для вас новость: Татьяна Крупенникова выходит замуж за моего коллегу и друга, старшего инженера Василькова Славу (молодой, красивый парень, 30 лет, холост, живёт с мамой в двухкомнатной квартире с новой мебелью, играет неплохо на гитаре, пишет диссертацию, книг не читает, играет в баскетбол, женщин не знает, честный, немного наивный, женится скорее по расчёту - пора, дескать, чем по любви. Роста высокого, культурный уровень - средний). Татьянины данные в общих чертах вам известны (1), добавлю лишь, что сие мероприятие стоило ей огромных сердечных мук, потому только на днях я сама узнала о предстоящем торжестве. Дай Бог им счастья! Думаю, Татьяна известила вас, на всякий случай: 5-го ноября в 15.30, Набережная Красного Флота.

— (1) *Таня Крупенникова - лучшая Сашулина подруга, они учились в одном классе, вместе поступили на физфак, Таня кончала кафедру оптики, а работать попала в Академию Крылова, где они с Любкой познакомились и подружились. Кто мог тогда подумать, что Тане осталось недолго жить...*

—А что мне написать о себе, даже и не знаю. Ощущаю себя попавшим в магнитную бурю компасом, стрелка которого прыгает туда-сюда, не задерживаясь надолго в определённом положении. И посему корабль моей жизни продолжает сидеть на мели. Смирение же моё весьма условное, см. определение его у Ларошфуко. Сынишка здоров, вожу его каждый день в садик. Он очень забавный, начать, что ли, записывать его изречения. Они бывают заняты даже сами по себе, без знания ситуации. Где буду на праздники, не имею ни малейшего понятия. Зовут в Москву! Поеду вряд ли, но не исключено. С обменом крайне туго. Мало вариантов, все с потерей части площади. В Протвине жильё не обещают. Вот так.

—Крепко вас обнимаю и целую - ваша Любаша.

—В декабре, возможно, приедет сюда бабуля. У них были Вова с Галей (Морозы).

—Он: со мной не нежен, и не груб.

Из Ленинграда. 21 ноября 1974 г.

Здравствуй, дорогая Сашенька!

—Я буду очень рада, если вы с Иринкой осуществите свои планы и приедете в Ленинград. В декабре я достану вам хорошие билеты в театры. Иринку можно поводить по музеям, здесь для неё можно много найти интересного. И Андрюшка уже ждёт Иринку в гости. Андрюша очень повзрослел, в садик ходит с удовольствием. Правда, и там он умудряется из рук вон плохо есть, но зато научился быстро самостоятельно одеваться и многим другим полезным вещам. Болел только один раз за осень. Сейчас он увлекается морской тематикой, рисует и вырезает военные корабли, играет в морской бой и в другие военные игры. Без оружия (автомат или пистолет) на улицу не выходит. Играть "в войну" он тоже приучился в садике. Научила его играть в шахматы, и он меня замучил - каждый вечер просит играть с ним. Ведь я ему преподнесла эту игру как угощение, что способствовало немедленному успеху. И у него уже хорошо получается! С одного урока он запомнил правила игры, теперь уже вырабатывает тактические навыки. А вот учиться читать никак не хочет. К тому же оставили у вас книгу "Доктор Айболит", захватите, пожалуйста, её с собой.

—Саше скажи, что фотографии нам очень понравились, большое спасибо. Тебе, наверное, интересно знать, как прошла Танюшина свадьба. Коротко опишу основные моменты. Татьяна в хорошо сшитом белоснежном костюмчике с длинной юбкой выглядела очень юной и тоненькой. К сожалению, фотограф был из знакомых, и фотографии получились очень неудачные. Но был заказан и кинофильм (прямо во Дворце), и когда ты приедешь, то посмотришь его у Тани. Гостей во Дворце было много (человек 60), а на ужин были приглашены лишь избранные, около 20 человек. Ужин был дома у Владика, на другой день утром молодые уехали в Нарву, где пробыли пять дней. Татьяна держалась очень храбро. Жених всем, конечно, понравился, но в этом и не могло быть сомнения, он очень славный парень и к тому же хорош собой. Его мама, правда, была совершенно убита горем и не вымолвила за весь вечер ни одного олова. Там целая проблема до уровня трагедии "где жить". Условия равные: у каждого по двухкомнатной квартире и никого нет больше кроме мамы. Каждая мама тянет их к себе, а молодые, естественно, хотят жить отдельно. Пока на ноябрь Владикина мама в санатории, и они живут у него, а потом будут снимать квартиру, но что выйдет из этой затеи, пока не ясно.

Бракосочетание Тани Крупенниковой

— У меня же вопрос "где жить", как верно отметил Саша, решил сам собой. Вернее, только Жора каждый раз сам заговаривал на эту тему. Жить будем в Москве (если удастся обменяться), а на работу он будет ездить в Протвино на 2-3 дня раз в две недели. Но теперь мы столкнулись с колоссальными трудностями при обмене. Конечно, найти обмен - это уже проблема, но у нас есть два хороших варианта (кооперативные двухкомнатные по 28 кв.м.). Оказалось, что для обмена надо иметь специальное разрешение горжиллобмена г. Москвы на обмен, и вот его-то получить будет крайне трудно. Беда в том, что Жора работает и прописан в области, а не в Москве, стало быть по этому пункту - переезд к мужу - разрешение не дадут на Москву, меняйтесь на область. По их правилам остаётся ещё 3 пункта, из них только один немного оставляет надежды: по распределению на работу. Так как мой срок как молодого специалиста истекает в мае 1975-го, я могу перераспределиться на работу в Москву, если, конечно, мне в этом помогут соответствующие лица. Тогда я получу право на прописку.

— Вот видишь, как всё сложно получается. Да и получится ли? (Если нет, то поменяюсь на Севастополь и буду там жить с Андрюшкой. Тоже вариант!) Вот такие дела. Я немного болела, сейчас постепенно оживаю. Жду с нетерпением встречи! Будет это для меня большой радостью. Постараюсь развлекать тебя изо всех сил! Обнимаю и целую всех вас - Люба.

P.S. Вы уже, наверное, знаете умопомрачительную новость: Дима Ивлиев поступил в Духовную Академию и принял сан чёрного монаха. Мне известны все подробности, рассказал Саша Андрианов, об этом говорилось на партийном собрании на физфаке. У Пудовкина были неприятности из-за Димы.

Сашуля, Саша давно обещал Жорке один экземпляр "Сказки о тройке", и Жора очень просил напомнить об этом. Пожалуйста, привези.

Возможно, что именно от Любы я узнал эту "умопомрачительную новость" о поступлении Димули в Духовную Академию. Сан чёрного монаха он, конечно, тогда ещё принять не мог. Просто сказал кому-нибудь, что в будущем собирается. От самого Димы я хоть и получил письмо примерно в то же время, что и от Любы, но ничего не узнал. Эта новость не так уж меня и поразила. Димино место было не в физике, это было ясно, но и не в официальной советской культуре вообще. Это тоже было ясно. Судить же о его

религиозности я не мог: не представлял чётко, что это такое, да и самого Диму уже давно не видел. Мне казалось, что Диму увлёк интерес к истории культуры, и он решил полностью отдаться этому, что выглядело вполне естественным для него. Но об этом позже. Сразу вслед за письмом Сашуле Люба посылает письмо мне.

— Из Ленинграда. 22 ноября 1974 г.

Мой горячо любимый брат!

— Только тебе я могу поверить, в сколь отчаянно безнадежном положении я сейчас нахожусь. Проходят месяцы, а боль моя растёт и растёт как снежный ком. Мне стоит невероятных усилий сдерживаться, быть такой, какой я всегда была с ним, и делать эти самые "шаги", к которым ты меня призываешь. Пока я уверена, что он не догадывается о тех муках, которые почти ежеминутно терзают мою душу и ум. Я заставляла себя успокоиться, взять себя в руки, наконец, постараться просто не думать какое-то время об этом в надежде, что решение придет само, внезапно, как при поиске математической истины, иногда мне кажется, что я просто схожу с ума; у меня появилась эта навязчивая идея - принять решение, согласно которому я должна действовать и вести себя соответствующим образом. Тогда только спадёт то нервное напряжение, в котором я постоянно нахожусь, и которое отравляет всё моё существование. Без тени рисовки признаю тебе, что впервые поняла то, что мне всегда казалось чудовищным и невероятным, попросту необъяснимым - самоубийство. Это - когда жить невыносимо, всё делаешь машинально, через силу, будто это уже не ты, а кто-то другой, ибо из твоих действий и поступков исчезла твоя личность - она умерла уже.

— Фу, чёрт, какая-то достоевщина попёрла из меня. Я не то всё же хочу сказать тебе, а хочу я сказать вот что. Вся беда в том - а я знала это и раньше, но знание это было несколько абстрактным - что всегда любила и люблю только этого человека, что бы там ни было, и потерять его любовь для меня равносильно смерти. На этот раз мне допустим, удастся "удержать" (противное словечко) его "около себя", но если это повторится (а почему бы и нет?), я этого не перенесу, и уж лучше заранее избегнуть, как мне теперь кажется, неизбежное. Когда у нас всё наладится, и он сочтёт, что равновесие восстановлено, я уйду. Это и будет моя маленькая месть.

— Наверное, это и есть то, что ты называешь - "кривая психология"?

— Мой благоразумный брат!

— Ну что ты заладил одно и то же "он - хороший человек"? Добавь ещё - порядочный. Всё это я знаю и согласна с тобой тысячу раз. Однако эти качества не мешают ему не моргнув глазом нанести сокрушительный удар по тому, что называют - семья, ведь это для него не святыня, а что-то вроде карточного домика. А раз так, то должно свершиться чудо, чтобы этот карточный домик не развалился! А я вряд ли бы так смогла! Первая мысль, которая останавливала все мои дальнейшие помыслы - а как же он будет без меня? Он не сможет без меня, ему будет очень плохо без меня. А на деле вдруг выясняется, что вовсе нет! Прекрасно даже может, давно уже к этому готов! И дело вовсе не в оскорблённом самолюбии и не в моей неспособности простить ближнему, что прощаешь самому себе. Я знаю, ты считаешь меня не в меньшей степени виноватой в том, что произошло. Но моя правда в том, что я была всегда очень далека от разрыва и любыми путями старалась бы его избежать. И ещё, банальная истина: "духовная" измена гораздо страшнее, чем физическая, и здесь ты меня не переубедишь.

— Я всегда слепо верила этому человеку, и это облегчало жизнь нам обоим, теперь же "червь сомнения" навсегда засел в мою душу. Такой пример: стоит ему повисить чуть-чуть голос или сделать справедливое замечание, как у меня уже слёзы на глазах. А ведь я никогда раньше не была особенно чувствительной! А теперь стала. Или это просто нервы?

Но, ты не забыл? - я стараюсь сдерживаться... Те две последние недели (с 5 по 19 ноября), что он здесь провёл, повергли меня в ещё большее недоумение. Он был таким, каким я его давно не знала - пылким, нежным, влюблённым, неизменно заботливым и чутким. А я себе отравляю удовольствие тем, что злорадно думаю: это то, другое, отвергнутое чувство находит у него выход не там, где должно бы...

—Прощай, это не всё, но тебя я пощажу. Люба.

—Из Москвы. 10 марта 1975 г.

Дорогой брат!

—Вот я уже в Москве чуть больше полутора месяца. С 14 февраля сижу в высоком светлом здании на восьмом этаже, напротив МИД, на Смоленской площади, окна моего отдела выходят на Садовое кольцо, отчего здесь невероятно шумно. Хорошо, что народ здесь очень приятный, но вот какова работа - толком ещё не знаю. На работу меня оформили только по истечении месячного перерыва, так как не удавалось никак получить прописку. С огромным трудом мне удалось прописаться временно в Протвино до 15 мая лишь 28 февраля. Как это проистекало - расскажу как-нибудь. Всё время моего нахождения здесь - эти полтора месяца непрестанно мыкаюсь по всяким инстанциям, и конца не видно пока. Хотя просветы, как видишь, уже есть. Теперь главный, и по трудности, и по значению этап - обмен - начинаю штурмовать. В настоящий момент для этого дела всё ещё много преград, главные из которых - почти полное отсутствие подходящих вариантов и неучтённая алчность хоть сколько-нибудь подходящих кандидатур.

—А пока мыкаюсь опять по чужим домам. Удалось снять малюсенькую квартирку на два месяца, но срок истекает на этой неделе, да и сдавал её алкоголик, который периодически здесь же (разумеется, в моё отсутствие) пил с друзьями и дрыхал на моём диване. На работе у меня есть телефон, он стоит тут же, где я сижу, и звонить можно в любое время с 8.30 до 17.30 (обед с 13.30 до 14.15). Запиши его: 241-95-56. Если ты приедешь, обязательно позвони, я очень буду рада приютить тебя у себя, ты это знаешь, где бы я ни была. Если вдруг я уйду куда-нибудь (нас отпускают свободно), то всегда о моих координатах можно узнать у Аллочки Викуловой, её телефон 258-03-87, она очень часто дома, особенно по вечерам и утром до 8.30. Я по приезду первую неделю жила у неё, и мы очень подружились, она очень милая, простая и скромная. Я почти каждый день звоню ей, она всегда всё в точности передаст.

—Привет Сашуле и Лебле. Целую - Люба.

—Из Москвы. 4 апреля 1975 г.

Дорогой братишка!

—Как-никак мне удалось взять себя в руки, и я стараюсь следовать твоим советам, вопреки твоим сомнениям. Я не собираюсь льстить тебе, а скорее себе, ибо, как сказал Ларошфуко, для того чтобы воспользоваться хорошим советом со стороны, подчас требуется не меньше ума, чем для того, чтобы подать хороший совет себе. Лёд тронулся. Жоре, наконец, назначена защита на конец этого года. Не исключено, что наше решение жить в Москве придвинуло этот срок. С работой у меня всё хорошо, а вот с обменом дела идут очень туго. Масса невероятных трудностей, в том числе чисто бюрократического, а также спекуляционного характера. Но надежда пока есть на двухкомнатную, равноценную по площади, правда, далеко от центра. Когда я разговаривала со Львом Дмитриевичем

(Жоркиным руководителем), он весьма определённо предложил мне работу у них в институте и в очень скором времени квартиру - ему не очень хочется, чтобы мы мотались в Москву.

— Тут два возражения возникают. Во-первых, может быть, он обещал и предлагал, зная заранее, что я откажусь - ведь дело было уже решено, когда он впервые так определённо высказался, ведь вообще-то многие жёны там сидят с дипломами без работы. Во-вторых, до Протвино добираться по времени ровно столько же, сколько в Ленинграде от нас до Гатчины, где сейчас устроился на работу Верещагин (в ЛГУ его ставку закрыли) и многие другие Жорины однокурсники. Уже сейчас Жора приезжает в четверг вечером, а уезжает утром в понедельник, а после того, как он защитится, с этим будет ещё легче. Если до августа мы не обменяем - а там в августе будут давать квартиры - тогда я подумаю. Командовать парадом буду я! Сдадим квартиру в Ленинграде, хоть будут деньги, так трудно столько лет без денег. Кандидатом он ненамного больше будет получать. А мы совершенно все обносились. Ну, там видно будет.

— Скоро день Победы, Саша, и у меня есть скромное желание сделать родителям сюрприз и быть с ними в этот день. Как ты смотришь на это? Сможете ли вы с Сашулей приехать? Как Сашулино здоровье? У меня есть Спок, можете рассчитывать на него. Саша! Прошу тебя очень, приезжай хоть на три дня. Я надеюсь побыть дней десять - возьму четыре дня за свой счёт. Для меня в настоящее время это очень дорогое удовольствие, да могут ещё и другие причины помешать, но если ты приедешь, то я поеду во что бы то ни стало. Жора ведь не сможет поехать, слишком для нас дорого. Может, и тебя Сашуля отпустит одного, если она не сможет поехать с тобой?

— Всех обнимаю и целую! Ваша Любаша.

— Саша! Жора давно ждёт "Сказку о тройке", он писал даже Лебле, но не получил ответа.

— "Сказку о тройке" Стругацких я им, кстати, переслал с мамой, так она ("Сказка") от них и не вернулась ко мне. Это была переплетённая ксерокопия из журнала "Ангара" (или "Байкал"?), которую я когда-то зачитывал вслух у них на кухне в ленинградской квартире, и Жорка чуть со стула не падал от хохота.

— В Севастополь на тридцатилетие Победы я не поехал, хоть Любка и уговаривала, - в Сашулином положении нам хлопот с одним только переездом в Калининград хватало.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)